

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АБЬЮЗИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ У МУЖЧИН В УЗБЕКИСТАНЕ

- *Нишанова Фотима Абдумаликовна*
- *Kimyo International University in Tashkent*
 - Ташкент, Узбекистан
 - e-mail: Nishanova-88@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются психологические особенности формирования абызивных стратегий поведения у мужчин в контексте узбекской семейной культуры. На основе анализа теоретических источников и качественных данных фокус-групп выявляются ключевые внутренние и внешние факторы, способствующие развитию контролирующего, агрессивного и эмоционально подавляющего поведения. Показано, что абызивные модели формируются на пересечении личностной тревожности, неуверенности, потребности в доминировании и культурных норм, закрепляющих иерархическую структуру семьи. Особое внимание уделено влиянию традиционных гендерных ролей, социального давления со стороны окружения и норм терпимости к насилию. Выявлено, что в условиях усиливающихся социальных трансформаций мужчины часто используют абызивные стратегии как способ сохранения статуса, власти и контроля. Полученные результаты позволяют глубже понять механизмы формирования мужского абызия в Узбекистане и могут быть использованы при разработке профилактических программ и психологической помощи семьям, сталкивающимся с насилием.

Ключевые слова: мужской абыз; семейное насилие; Узбекистан; гендерные нормы; власть и контроль; психологическая мотивация; семейная тревожность; патриархальная культура; стратегии поведения; фокус-группа.

Современное изучение мужского абызова в Узбекистане приобретает всё большую актуальность в связи с социальными изменениями, ростом информированности населения и повышением открытости обсуждения проблем семейного насилия. Несмотря на то что в обществе сохраняются традиционные представления о роли мужчины как главы семьи, всё больше специалистов подчёркивают необходимость рассматривать абызивное поведение не как частную или бытовую проблему, а как серьёзное социально-психологическое явление. Узбекистан относится к странам с устойчивыми патриархальными семейными моделями, где мужчина традиционно занимает доминирующую позицию, а женщина — подчинённую. Такой контекст создаёт условия, в которых многие формы контроля, давления и эмоционального подавления воспринимаются как «норма» и не распознаются как абызивные. Это делает исследование мужского абызова не только актуальным, но и социально значимым, поскольку позволяет выявить скрытые механизмы и причины поведения, которое наносит вред женщинам, детям и самой семейной системе.

В основе проблемы лежит не только культурный аспект, но и психологический. Абызивное поведение формируется на пересечении личностных особенностей мужчины — тревожности, неуверенности, эмоциональной нестабильности — и социально усвоенных моделей власти и контроля. В психологической науке абыз рассматривается как поведение, направленное на подавление другого человека через физическое, эмоциональное, экономическое или психологическое давление. Оно проявляется в доминирующих установках, ревности, контроле, попытках ограничить свободу партнёра, а также в использовании манипуляций и угроз в качестве средства поддержания своего статуса. Важно понимать, что абыз — это не единичное проявление агрессии, а устойчивая стратегия поведения, закреплённая в семейной системе и подкрепляемая внешними социальными нормами.

Психологические модели объяснения мужского абызова глубоко развиты в мировой науке. Психоаналитические теории, представленные З. Фрейдом и К. Юнгом, связывают агрессивное поведение с внутренними конфликтами личности, бессознательными страхами и неразрешёнными эмоциональными переживаниями. Более современные подходы, такие как теория социального научения А. Бандуры, указывают, что насилие часто является усвоенной моделью поведения, которую мужчина перенимает из родительской семьи, наблюдая механизмы доминирования, наказания или подавления. Цикличность насилия, описанная Л. Уокер, подчёркивает, что абызивные отношения формируются постепенно, через чередование напряжения, вспышек агрессии и «медового месяца». Это делает такие отношения устойчивыми и трудными для разрыва.

Международные исследования семейного насилия показывают, что мужской абыз характерен для разных культур, однако его частота и формы зависят от уровня гендерного равенства, экономических условий, доступности помощи и общественных установок. В странах с жёсткой системой традиционных ролей насилие чаще воспринимается как личное дело семьи, что препятствует своевременному вмешательству специалистов. В обществах, где женщина имеет менее выраженную социальную автономию, абыз часто нормализуется и не вызывает осуждения.

Узбекистан представляет собой яркий пример социально-культурной среды, в которой традиционные нормы играют ключевую роль в формировании поведения мужчины. Идея о том, что мужчина должен быть строгим и контролирующим, широко распространена и поддерживается как внутри семьи, так и в окружении: через советы старших, обычаи махалли, религиозные интерпретации и систему воспитания мальчиков. В подобных условиях абызивные стратегии закрепляются как социально оправданные, а эмоциональное давление или контроль воспринимаются не как насилие, а как проявление «ответственности» мужчины. Это создаёт уникальный контекст, в котором важно изучать мужской абыз не только как психологическое

явление, но и как социально-культурный феномен, основанный на нормах, стереотипах и межпоколенных моделях поведения.

Формирование абызивных стратегий поведения у мужчин происходит под воздействием целого комплекса социально-психологических факторов, среди которых особую роль играют традиционные гендерные нормы, воспитательные модели, эмоциональная незрелость, страх потери контроля и социальное давление. В узбекском обществе, где семейные роли исторически распределены жёстче, чем в западных культурах, мужчина с раннего возраста получает установку на доминирующее положение. Ожидание того, что мужчина должен быть сильным, решительным, авторитетным и бесспорно уважаемым членом семьи, способствует формированию убеждения, что власть и контроль — это естественные атрибуты его роли. Эти ожидания подкрепляются социальным окружением, старшими родственниками и семейными традициями, что значительно повышает вероятность того, что мужчина будет выбирать контролирующие или подавляющие стратегии поведения по отношению к супруге.

Важную роль играет и система воспитания мальчиков, в которой модель «мужчины, не выражающего эмоций» оказывает разрушительное влияние на способность управлять чувствами. Подавление эмоций, особенно тревоги, страха или неуверенности, часто приводит к тому, что единственной допустимой формой выражения внутреннего напряжения становится раздражение или агрессия. Мужчина обучается не обсуждать проблемы, а «указывать», «запрещать», «решать» — что закрепляет авторитарный стиль общения. В момент эмоционального дискомфорта или угрозы его статусу запускается механизм компенсации: чем больше внутренней неуверенности, тем сильнее стремление к контролю и доминированию. В таких условиях абызивное поведение становится средством поддержания психологического равновесия и самоутверждения.

Дополнительным фактором выступает социальное давление. Мнение окружающих, родственников и соседей нередко становится значимым

источником стресса. Мужчина опасается, что если он будет проявлять эмоциональную мягкость или уступчивость, окружающие могут воспринять это как слабость или потерю статуса. Поэтому он стремится поддерживать образ «строгого главы семьи». В таких условиях абызивные стратегии выполняют функцию демонстрации силы перед внешним окружением. Даже если мужчина осознаёт деструктивность своего поведения, страх осуждения со стороны общества может мешать ему изменять модели взаимодействия с супругой.

Не менее важной является роль внутренней тревожности и страха потери контроля. Многие исследователи отмечают, что абызивное поведение может формироваться у мужчин с высокой чувствительностью к угрозе потери авторитета или эмоциональной близости. Такие мужчины склонны воспринимать инициативность или самостоятельность женщины как подрыв своего статуса. В результате любое несогласие, спор или попытка жены отстоять свои границы может интерпретироваться как вызов. В этот момент запускаются абызивные механизмы — давление, контроль, унижение, ограничение свободы или вспышка агрессии.

Укреплению абызивных стратегий способствует и культурная терпимость к насилию в семье. Во многих узбекских семьях до сих пор распространены идеи о необходимости «терпения», сохранения семьи любой ценой и недопустимости переноса конфликтов в публичную сферу. Это приводит к тому, что женщины нередко остаются один на один с проблемой, а мужчины не получают внешней обратной связи относительно деструктивности своего поведения. Таким образом формируется цикличность абыза: мужчина не видит последствий своих действий, а женщина не получает защиты, что позволяет насилию укореняться в семейной структуре.

В совокупности эти факторы образуют устойчивую систему формирования абызивных стратегий у мужчин в Узбекистане. Внутренние психологические механизмы — тревожность, неуверенность, страх потери контроля — взаимодействуют с внешними социальными нормами, создавая

почву для доминирующего поведения. Это делает проблему многослойной и требует комплексного подхода для её анализа и профилактики.

Результаты фокус-групп показали, что восприятие абызивного поведения и его мотивов существенно различается у женщин и мужчин, а также значительно зависит от уровня образования, возраста и семейного опыта. Всего в исследовании приняли участие сорок человек: тридцать женщин и десять мужчин. Такое распределение позволило получить более глубокий и разносторонний взгляд на проблему, поскольку женщины чаще сталкиваются с абызом непосредственно, а мужчины описывают своё поведение и мотивацию со стороны субъективных оправданий.

Женщины, участвующие в обсуждениях, в большинстве случаев воспринимали абызивное поведение как повторяющийся и системный процесс, который включает не только физическую агрессию, но и контроль, эмоциональное давление, ограничение свободы и психологическое подавление. Наиболее часто упоминались такие ситуации, как запрет на общение с родственниками и подругами, критика внешности, обвинения в «неуважении» и «непослушании», постоянная ревность и проверка телефона. Женщины подчёркивали, что многие мужчины воспринимают подобные действия как «норму», что мешает им распознать насилие как проблему. Участницы также отмечали, что в традиционной среде женщинам часто советуют терпеть ради детей и сохранения брака, что усиливает латентность проблемы и затрудняет обращение за помощью.

Мужчины, участвовавшие в исследовании, чаще связывали своё агрессивное или контролирующее поведение с внешними причинами: усталостью, стрессом, финансовыми трудностями, «неправильным» поведением жены или необходимостью поддерживать дисциплину в семье. Многие из них признавали, что иногда действуют импульсивно или жёстко, но при этом считали подобные меры оправданными в ситуации, когда женщина «не слушает» или «нарушает семейные правила». В ходе обсуждений выяснилось, что мужчины, как правило, не воспринимают контроль и

эмоциональное давление как форму насилия, а трактуют их как элемент мужской ответственности и силы. Это подтверждает устойчивость патриархальных установок, согласно которым мужчина должен сохранять власть и порядок, а женщина — проявлять терпение и подчинение.

Интересной оказалась разница между поколениями. Более молодые мужчины (25–35 лет) высказывались критичнее по отношению к абызивному поведению, подчёркивали важность диалога и эмоциональной поддержки, но при этом всё ещё демонстрировали скрытые установки на право «последнего слова» в спорных ситуациях. Мужчины старшего возраста чаще выражали убеждение, что «мужчина — главный» и что контроль над женщиной является частью семейного уклада. Женщины младшего поколения демонстрировали более высокую чувствительность к эмоциональному насилию и лучше различали его формы, тогда как женщины старшего возраста чаще оправдывали мужское доминирование традициями и религиозными нормами.

Анализ дискуссий позволил выделить несколько устойчивых мотивов мужского абызия: стремление сохранить авторитет, потребность в контроле, страх потерять уважение в глазах окружения, ревность, эмоциональная незрелость и привычные модели поведения, перенятые из родительской семьи. Участницы исследования подчёркивали, что большинство мужчин не признают своих действий как абызивных, пока им не указать на это открыто или пока ситуация не выходит из-под контроля. Мужчины, в свою очередь, отмечали, что нередко повторяют поведение своих отцов и дедов, считая это «единственным правильным» способом поддерживать порядок в семье.

Таким образом, результаты фокус-групп подтвердили, что абызивные стратегии поведения формируются под влиянием взаимодействия психологических факторов и культурных норм. Женщины воспринимают абыз как глубоко травмирующее явление, а мужчины — как инструмент поддержания семейного порядка. Эти различия в восприятии являются ключевыми для разработки программ профилактики и психологической

помощи, направленных на снижение уровня семейного насилия в Узбекистане.

Проведённое исследование позволило выявить ключевые социально-психологические механизмы, лежащие в основе формирования абызивных стратегий поведения у мужчин в Узбекистане. Анализ теоретических подходов, международных данных и результатов фокус-групп продемонстрировал, что мужской абыз нельзя рассматривать исключительно как индивидуальную форму агрессии — это сложное явление, возникающее на пересечении личностных особенностей мужчины, культурных стереотипов и социальных норм, определяющих структуру власти внутри семьи.

Выявлено, что одной из центральных причин абыза является сочетание высокой внутренней тревожности, эмоциональной незрелости и страха утраты контроля над ситуацией или статусом. Наиболее распространённые стратегии поведения — контроль, ревность, подавление инициативы жены, эмоциональное давление — определяются стремлением сохранить авторитет и стабильность привычной семейной роли. Мужчины, участвовавшие в исследовании, часто оправдывали подобное поведение усталостью, стрессом или «необходимостью дисциплины», что свидетельствует о глубокой укоренённости культурных норм, допускающих использование власти в отношениях.

Женщины, напротив, описывали абыз как системное и эмоционально разрушительное поведение, включающее не только физическую агрессию, но и постоянный контроль, унижение, ограничение свободы, экономическую зависимость и психологическую манипуляцию. Они подчёркивали, что социальные установки «терпеть ради семьи» значительно осложняют возможность выхода из абызивных отношений и обращения за помощью. Разница в восприятии мужчин и женщин стала одним из ключевых выводов исследования: мужчины чаще недооценивают тяжесть своих действий, в то время как женщины воспринимают их как угрозу эмоциальному и физическому благополучию.

Полученные результаты подтверждают, что абызивное поведение формируется не только под влиянием индивидуальных факторов, но и в результате воздействия социальной среды. Традиционные представления о роли мужчины как «главы семьи», давление со стороны родственников, отсутствие доступных моделей здоровой коммуникации и дефицит психологической грамотности способствуют закреплению абызивных стратегий в поведении поколения за поколением.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выявленные механизмы могут стать основой для разработки профилактических программ, направленных на изменение гендерных установок, обучение эмоциональной регуляции, формирование навыков конструктивного взаимодействия и повышение информированности о недопустимости насилия в семье. Особое значение имеет разработка программ для мужчин, включающих обучение навыкам управления эмоциями, снижение тревожности, повышение стрессоустойчивости и развитие альтернативных стратегий поведения, не основанных на контроле и подавлении партнёра.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки, сравнением различных регионов Узбекистана, анализом влияния образовательного уровня, экономического статуса и особенностей городской и сельской культуры на уровень абызза. Кроме того, перспективным является изучение влияния межпоколенческих моделей поведения на формирование абызивных стратегий у мужчин и создание специализированных программ психологической помощи, ориентированных на культурный контекст страны.

Таким образом, исследование подтверждает многослойную природу мужского абызза в Узбекистане и подчёркивает необходимость комплексного подхода — психологического, социального, образовательного и культурного — для эффективного предотвращения насилия в семье и поддержки его жертв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Walker L. The Battered Woman. — New York: Harper & Row, 1979.

2. Johnson M. A Typology of Domestic Violence: Intimate Terrorism, Violent Resistance, and Situational Couple Violence. — Boston: Northeastern University Press, 2008.
3. WHO. Violence Against Women: Prevalence Estimates 2018. — Geneva: World Health Organization, 2021.
4. Heise L. Violence Against Women: An Integrated, Ecological Framework // Violence Against Women. — 1998. — Vol. 4(3). — P. 262–290.
5. Dobash R., Dobash R. Violence Against Wives. — New York: Free Press, 1979.
6. Straus M.A. Measuring Intrafamily Conflict and Violence // Journal of Marriage and the Family. — 1979. — Vol. 41(1). — P. 75–88.
7. Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения. — СПб.: Питер, 2014.
8. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. — СПб.: Прайм-ЕвроЗнак, 2001.
9. Карабанова О.А. Семейная психология: учебное пособие. — М.: МГУ, 2018.
10. Лохматкина Н.В. Семейный стресс как результат домашнего насилия // Психология и право. — 2012. — №1. — С. 23–31.
11. Шакина В.А. Юридическая и психологическая помощь жертвам семейного насилия // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. — 2005. — №4. — С. 56–65.
12. Абдурахмонова С.Ф. Гендерные аспекты семейных отношений в Узбекистане // Общество и инновации. — 2021. — Т. 2. — №6. — С. 335–343.
13. Каримова В.М. Психологические последствия семейного насилия для женщин // Психология и социология. — 2015. — №2. — С. 67–75.
14. Шаумаров Г.Б. Психологические аспекты семейных отношений в узбекском обществе // Вестник ТГУ. — 2010. — №3. — С. 112–120.